Моя встреча с Валентином Петровичем Катаевым произошла летом 1978 года. Я тогда жил в Донбассе, работал в шахте и выписывал несколько литературных журналов, в том числе и популярный в те годы «Новый мир». Вот на его страницах я и встретился с необыкновенной повестью Валентина Катаева под названием «Алмазный мой венец», которая на долгие годы вошла в мою душу и память, оживив собой образы уже забытых советскими читателями писателей. Конечно, я и до этого читал некоторые книги Катаева, такие, к примеру, как «Время, вперед!», «Белеет парус одинокий», «Хуторок в степи», а также «Трава забвенья» и другие. Но «Алмазный мой венец» не просто открыл для меня двери в жизнь Валентина Петровича Катаева, но еще и распахнул передо мной просторы непосредственно самой русской литературы, до бесконечности расширив ее и без того необъятные горизонты. Эта книга внезапно открыла для меня таких забытых в России писателей, как

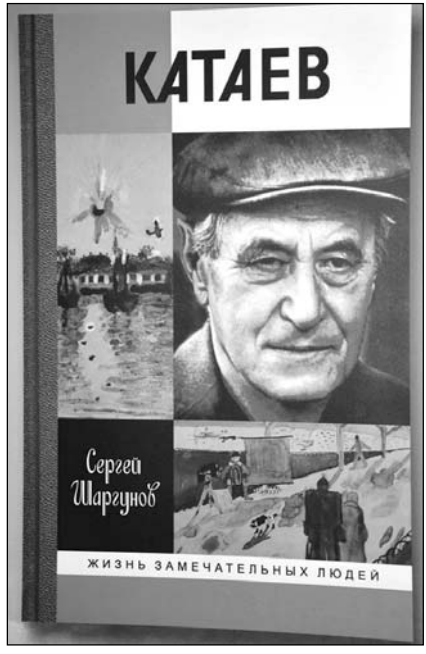
Сергей Шаргунов. «Катаев. В погоне за вечной весной». — Москва: Издательство «Молодая гвардия», 2017.

Георгий Шенгели, выведенный Катаевым на страницах «Алмазного венца» под псевдонимом *поэта-классика*, читавшего молодым писателям лекции в брюсовском Литинституте, а также друга известного поэта-акмеиста Николая Гумилева — Владимира Нарбута, скрытого в повести под образом некоего удивительного *колченого*, потерявшего пятку ноги и кисть левой руки, получившего заикание, но писавшего неповторимые стихи, отбившего у Юрия Олеши молодую жену Серафиму Суок, вошедшую в олешинскую сказку о трех толстяках, и многое другое. Там же встречается упоминание также об одном крупном революционере, побывавшем в царской и английской тюрьмах — флотоводце, дипломате и писателе Федоре Федоровиче Раскольникове, работавшем с Лениным и Троцким, дружившим с Пильняком и Есениным, женатым на известной писательнице-революционерке Ларисе Рейснер и получившим в катаевской книге образ *редактора*, который издавал роман Юрия Карловича Олеши «Зависть». В 1930-е годы, бежав от грозившего ему ареста из Болгарии в Париж, Раскольников написал там два своих открытых письма Сталину, обвиняя в них вождя Советского Союза в жестоких репрессиях. А в сентябре 1939 года его найдут мертвым под окнами одной из больниц в Ницце, в которой он пытался спрятаться от рук охотившихся на него чекистов, и, в конце концов, был отыскан ими и выброшен из окна пятого этажа...

О каждом из этих удивительных людей я впоследствии написал свои исследовательские книги, так что проникновение в их неординарные судьбы сотрясло мою собственную жизнь, как проснувшийся вдруг вулкан сотрясает дремавшую столетиями планету. Да и для широкого круга читателей нашей страны знакомство с перечисленными выше писателями оказалось довольно неожиданным открытием. Так, например, известный русский поэт Виктор Кирюшин, являющийся руководителем Совета по поэзии при Союзе писателей России, так сказал об одной из моих книг, опубликованной в 2018 году: «С большим интересом, прямо-таки взахлеб, прочитал книгу Николая Переяслова “Маяковский и Шенгели: схватка длиною в жизнь”. Это серьезное и в то же время увлекательное исследование. Жаль, что сегодня невозможно широкое распространение таких книг...»

Возвращение в нашу сегодняшнюю литературу этих уникальных авторов стало поистине нерядовым событием для всех искренних поклонников русской поэзии первой трети двадцатого века, причем как для до сих пор остававшейся детально не исследованной авторитетными специалистами-литературоведами, так и для не прочитанной как следует нашими рядовыми читателями. И вот сегодня, наряду с моими книгами «“Дело” Нарбута-*колченого*» и «Маяковский и Шенгели», вышло в свет сразу несколько биографических книг и полных собраний сочинений Георгия Шенгели и Владимира Нарбута (под редакцией В.Э. Молодякова, Р.Р. Кожухарова и др.), что стало настоящим праздником для любителей Серебряного века, а следом за ними была издана в московском издательстве «Прометей» еще одна моя книга о Федоре Федоровиче Раскольникове «Красный лорд». И все это, должен признать, произошло благодаря появившейся в 1978 году повести Валентина Катаева «Алмазный мой венец», которая невольно подтолкнула собой некоторых авторов к изучению ряда уже утраченных в памяти народа поэтических биографий. Таким образом, имена почти забытых к концу двадцатого века таких писателей как Шенгели, Нарбут и Раскольников были снова озвучены Катаевым и дали им возможность проявить себя в нашем литературном обиходе. И само собой застучало в сознании многих любителей литературы имя самого Валентина Петровича Катаева, «воскресившего» из многолетнего забвения лучших писателей Серебряного века, позволив им вдруг вырастать перед нашими глазами...

А что же мы, собственно говоря, знаем непосредственно о нем самом, открывшем для нас столько великолепных литературных имен и талантов?..



Надо сказать, что о судьбе и творчестве автора знаменитого «Алмазного венца» уже не раз писали такие писатели, как Дмитрий Быков, Станислав Куняев, Вадим Перельмутер, Наталья Иванова, Михаил Захарчук, Елена Яковлева, Давид Эйдельман, Дмитрий Гусев и целый ряд других известных и малоизвестных прозаиков и литературоведов, но при этом большинство из них, надо признать, заглядывало в основном только в какой-нибудь один из уголков жизни Катаева, затрагивая лишь одну сторону его бытия, анализируя только отдельные грани его писательства. И только книга молодого и яркого писателя Сергея Шаргунова «Катаев. В погоне за вечной весной», выпущенная в свет в 2017 году издательством «Молодая гвардия» в серии ЖЗЛ, захватила меня целиком, выставив перед читателями все наружные узоры и внутренние швы необыкновенного полотна судьбы и творчества Валентина Катаева: «В советское время о Катаеве не вышло ни одной полнокровной и тем более откровенной книги, а после смерти, случившейся в самом начале перестройки, за вычетом статей, блогов и любительских пасквилей, не появилось вообще ни одной подробной биографии, — пишет в начале своей книги Сергей Шаргунов. — Поэтому здесь не только личное отношение, но и попытка тщательного исследования.

И все же мотив писать о нем — любовь к написанному им.

Я решил воссоздать течение его жизни, чтобы вы погрузились в нее, но и чтобы вы перечитали Катаева. Или прочитали.

О чтении Катаева нельзя пожалеть: изображал он всегда не просто зримо, а в насыщенном цвете, и самое волнующее, головокружительное — будь то бешеная погоня или нежное свидание.

Катаев **вампирически** был жаден до красок (его литература всегда — приключения красок). Физически ощущаешь наслаждение, которое он получал от писательства... **Он жадно впитывал и щедро выплескивал краски мира**. У него были столь меткое владение словом (одновременно реалистическое и поэтичное) и столь точное мастерство передать внешность, пейзаж, характер, сцену, эмоцию, что он щеголял возможностью рассыпать фразы и слова и под конец предпочитал “ассоциативное письмо”.

Между тем, жизнь его была полна тайн и невероятных событий. Разговор о Катаеве неизбежно воскрешает огромный литературный и исторический контекст.

Бунин и Троцкий, Есенин и Маяковский, Булгаков и Сталин, Солженицын и Хрущев, Евтушенко и Горбачев, войны, ранения, любови, благородство, расчет, отвага, страх, темная камера смертников в Одесской губчека и золотая звезда Героя Социалистического Труда...

Исследуя судьбу Катаева, я старался почувствовать и вернуть воздух и вихрь времени, главные события русского XX века...»

При этом нельзя не заметить, что Сергею Шаргунову и вправду удалось вернуть в нынешний день с помощью своего произведения и щекочущий фантастический воздух, и будоражащие душу вихри пролетевшего через наше Отечество

отклокотавшего XX века. Ну и следует заметить, что этой захватывающей и дерзкой книгой о великолепном таланте Валентина Петровича Катаева Шаргунов представил сегодняшним читателям еще и себя самого. Его собственный талант заслуживает не меньшего признания, чем литературное творчество исследуемого им в этой книге писателя. И то ли неповторимый стиль автора «Алмазного венца» бросил на книгу Шаргунова отсвет таланта Катаева, то ли это книга Сергея Шаргунова по-новому озарила написанные ранее Валентином Катаевым книги, но чтение того и другого приносит сегодня читающему подлинное наслаждение. Высвеченная Шаргуновым жизнь Валентина Петровича была настолько ярка и красочна, что она воспринимается сегодня как головокружащий авантюрный роман, из-за чего и творческий почерк самого Сергея Шаргунова начал заметно выделяться проявившимся у него уникальным метафорическим стилем. «Метафора стала богом, которому мы поклоняемся», — сказал однажды Валентин Катаев, и к этому «богу» тянулись в своем творчестве многие другие авторы. Про Юрия Карловича Олешу говорили, что он — «король метафор», а про поэзию Андрея Вознесенского — что это «депо метафор».

«Что может быть прекраснее художественной свободы?» — спрашивал в своей книге читателей Валентин Петрович Катаев и, отталкиваясь от этого сверхриторического вопроса, Шаргунов в своем исследовании «Катаев. В погоне за вечной весной» писал: «Он вспоминал об ушедших “бессмертных” современниках — живо, бесцеремонно, весело, через дикие сценки. Именно — дикие. При чтении вспыхивает мандельштамовский завет: “дикое мясо”, по-катаевски переиначенный на “свежие фрукты”: “Это не роман. Роман — это компот. Я же предпочитаю есть фрукты свежими, прямо с дерева, разумеется, выплевывая косточки”.

Артистически закрученная карусель литературных звезд. Книга-поэма, богатая образами и красками, но и книга-игра — может быть, поэтому она воспринимается так современно...»

7 августа 1934 года Катаев стал участником Первого Всесоюзного съезда советских писателей, и на этом съезде впервые прозвучал (тоже, кстати, метафорический) афоризм: писатели — инженеры человеческих душ. И Катаев во многом следовал этой формуле, подобно инженеру, конструируя свои романы по заранее обдуманным строгим расчетам и схемам. Таким, например, воспринимается роман Валентина Катаева «Время, вперед!», анализу которого Шаргунов отдал немалую часть своей увлекательнейшей книги.

«...Даже в идеологической эпопее, — писал молодой писатель, — главным для Катаева остается *как*, а не *что*. Роман под завязку набит метафорами, поэтому тяжкий труд людей и свирепая работа машин зачастую передаются с утонченной манерностью. Паровоз фыркает “маленькими кофейными каплями” нефти, у голых по пояс парней мускулы на спинах блестят, “как бобы”, а арматурины, торчащие из “молодого зеленоватого бетона”, кажутся “маленькими пучками шпилек”. “Время, вперед!” стоит прочитать хотя бы для того, чтобы насладиться стилем».

Так опьяняюще пишет о Катаеве и сам Сергей Шаргунов, вольно или невольно дублирующий в своей работе красочный язык автора неповторимой книги о строителях Магнитки. «Этот роман никак нельзя назвать гимном времени, это гимн тем, кто, сипло понукая, гонит время в яму котлована, — предельно красочно говорит о катаевской книге Шаргунов. — Катаев, как и Платонов, уловил утопичную жажду чуда и бессмертия, свойственную ударникам “русского коммунизма”. “Время — враг” — можно было бы назвать книгу, словно бы так, задыхаясь, провозглашает взвинченный бегом автор, чтобы позднее, погрузившись в расслабляющую ванну *мовизма*, выдохнуть: “Времени не существует”».

Мовизм, по мнению Сергея Шаргунова, был подан Катаевым «как идея спон-

танного, интуитивного, бессознательного письма, расколдованного от литературщины и вообще традиционных литературных форм». Однако почти во всех его произведениях (и в первую очередь — в последних) бросается в глаза его оригинальная писательская умелость: «въедливая фиксация вещей, отборные эпитеты и образы — нечто противоположное свежей небрежности и непринужденности, которую можно было бы ожидать от действительного мовиста». Под идею мовизма можно без сомнений подверстать и такую прозу, где зачастую сплетаются поток сознания и дневниковость...

Отвечая как-то на вопросы известного критика Павла Басинского, Сергей Шаргунов говорил: «Я взялся за Катаева, потому что это мой любимый писатель советского времени. Бесподобный стилист, мастер. Но и потому, что он прожил остросюжетную жизнь, неотделимую от всего сложнейшего двадцатого века. Это еще и пособие по истории советской литературы и даже просто истории. Видит Бог, у меня не было задачи писать житие святого Валентина. Надеюсь, получилась предельно честная книга, где я не умалчиваю ни о чем. Но, кроме того, что Катаев-писатель досадно полузабыт, есть еще привычка изображать Катаева-человека полным конформистом, приспособленцем, что я объясняю завистью со всех сторон к его дару, который позволял ему оставаться независимым.

Да, Катаев мог идти на компромиссы с переменчивой эпохой, но всегда знал свое предназначение — быть писателем, и больше всего дорожил творческой свободой. На критиков было наплевать! На левых и правых! В литературе он ценил не “позицию”, а талант. Он мог печатать отрывки из “Травы забвенья” и у Твардовского в “Новом мире”, и в “Огоньке” у “сталиниста” Софронова. В журнале “Юность” он дал дорогу “шестидесятникам”, но легко шел на конфликт с “прогрессивной публикой”, не прощавшей ему безоглядность одиночки...»

Такое же, по сути, безоглядное литературное одиночество проявляет в своем творчестве последней поры и Сергей Шаргунов, бесстрашно несущий на себе ношу не только писателя, но и депутата Государственной Думы. «У меня в роду были и красные, и белые, — говорит он, — большая часть — белые, но младший из ветви стал впоследствии известным режиссером, он был, можно сказать, обласкан Сталиным...» Вот так — с положительным и отрицательным знаком — Сталин смотрит на нас из советского прошлого, одних заставляя от страха содрогаться, других переполнять душу восторгами. И, окунаясь в судьбу Валентина Катаева, Шаргунов прекрасно видел, что его жизнь была не только переполнена известными людьми и интересными судьбами, но еще и повествовала о *страшной жизни* русского народа, в которой потоком текли сплошные доносы, гремели политические суды, ни на день не прекращались расстрелы, а в Сибирь тянулись бесконечные столыпинские вагоны с политзаключенными.

Такую же горькую судьбу ожидали и многие строители воспетого Катаевым в своем романе «Время, вперед!» Магнитостроя, управлявший которым Яков Гугель был в 1937 году расстрелян. О своем герое-инженере Маргулиесе Катаев говорил: «Представляю, чем он должен был кончить — осуждением за шпионаж и вредительство». Именно так закончил свою жизнь и реальный инженер Тамаркин. А начальник Уралвагонстроя Марьясин, не желая разделить судьбу репрессированного, в 1937 году поцеловал спящую жену, пошел на строительную площадку и приложил руки к обнаженным высоковольтным проводам.

Рядом с Валентином Катаевым один за другим исчезали из жизни многие другие писатели, пропадавшие в лагерях или тюрьмах. В Москве прошел первый Съезд советских писателей, протекавший в торжественной атмосфере, на котором выступало множество известных писателей, но у съезда были и печальные последствия. Из 101 члена правления, избранных на съезде, оказались репрессированными 33 человека, а из 597 делегатов репрессированы 180.

Да и только ли участников съезда коснулась рука карающих органов? Еще в 1921 году по сфабрикованному делу о так называемом «Таганцевском заговоре» был расстрелян поэт Николай Гумилев. В 1925 году по делу «ордена русских фашистов» был расстрелян поэт Алексей Ганин. В 1937 году за антисоветскую организацию «Трудовая крестьянская партия» расстреляли крестьянского поэта Сергея Клычкова, а в 1938-м за «террористическую деятельность» был расстрелян Петр Орешин. В эти же годы были уничтожены Осип Мандельштам, Всеволод Мейерхольд, Лев Сосновский, Михаил Кольцов, Павел Васильев, Борис Пильняк, Владимир Нарбут, Исаак Бабель, Бруно Ясенский, Валентин Стенич, бывший князь-«евразиец» Дмитрий Святополк-Мирский, грузинские поэты Тициан Табидзе и Паоло Яшвили, начальник Главлита Сергей Ингулов, «первоапостол» РАППа Леопольд Авербах, его литературный оппонент Александр Воронский, а также многие другие безвинные писатели, не считая политических и военных деятелей, таких как Бухарин, Каменев, Вавилов, Тухачевский, Якир, Уборевич и многие, многие другие. И во всем этом вынужден был вариться и Валентин Петрович Катаев, причем не просто видеть все это рядом с собой, но и выступать против них на собраниях, подписывать мерзкие обвинительные письма и топить по требованию руководства своих хороших вчерашних друзей.

Например, в конце 1943 года, узнав о недовольстве верхов опубликованной в «Октябре» повестью Михаила Зощенко «Перед восходом солнца», Катаев тут же с азартом включился в гонения на опального художника. «Ну, Миша, ты рухнул!» — со злорадством объявил Катаев Зощенко. А на следующий день он поставил свою подпись под коллективным обращением писателей с требованием вывести Зощенко из редколлегии журнала «Крокодил».

Но на совести Катаева, — писал Шаргунов, — была травля не только Зощенко. Весной 1944 года он поучаствовал и в гонениях на Корнея Чуковского. Писатель публично заявил своему коллеге: “Ваша сказка «Одолеем Бармалея» — дрянь!” А после войны он набросился уже на Анну Ахматову. 7 сентября 1946 года Катаев подписал позорное письмо с требованием к Анне Ахматовой ответить на критику партии. Вместе с ним свои подписи поставили Николай Асеев, Сергей Михалков и Алексей Сурков...

Еще раньше, 10 марта 1936 года, Катаев опубликовал в «Литературной газете» гневную статью, осуждавшую проявления формализма в литературе. Потом он набросился на опального драматурга Александра Афиногенова, обвинив его в проталкивании административным путем своих пьес в театры. Затем мишенью писателя стал уже поверженный Киршон. И уже в 1938 году Катаев чуть не добил в «Правде» поэта Владимира Луговского, который говорил потом, что «вся рецензия Катаева — образец пошлости и безответственности, барского отношения к поэту, это хуже всех рапповских окриков». Хотя напечатанные самим Луговским стихи были ничуть не лучше посылаемых в НКВД доносов:

Душно стало. Дрогнули коленки,
Ничего не видно впереди?
К стенке подлецов! К последней стенке,
Пусть слова замрут у них в груди...

В 1937 году в связи с приговором по делу Тухачевского «Литературная газета» вышла под лозунгом «Нет пощады шпионам!», в которой было помещено заявление писателей, подписанное, в том числе, и Валентином Катаевым. «НКВД и тов. Н.И. Ежов раскрыли центр шпионов и мерзавцев», — писалось в этом заявлении.

Катаев осуждал Бориса Пастернака, подписал письмо против Александра Солженицына, голосовал за исключение Лидии Чуковской из Союза писателей. В то же время еще в страшном 1937 году он был одним из немногих, кто осмелился

публично защищать вернувшегося из ссылки Осипа Мандельштама, а в 1946 году открыто навещал Михаила Зощенко, которого в то время называли антисоветчиком. «Читатель еще не раз удостоверится в этом отдельном даре Катаева — бескорыстно помогать и продвигать в литературе», — напишет в своей предельно честной книге Сергей Шаргунов.

Помогая многим писателям перебраться из своих городов в столицу и найти в ней место в различных издательствах и журналах, Катаев умудрился оказаться в ссоре чуть ли не со всеми своими друзьями и коллегами — Олешей, Багрицким, Пастернаком, Мариенгофом, Булгаковым, Шкловским, Михалковым, Эренбургом и многими другими.

Далее Шаргунов в своей книге откровенно писал: «Мечтая о дальнейшей карьере, Катаев, разменяв седьмой десяток, вступил в 1958 году в партию. Кроме того, осенью того же года он, лишь бы угодить верхам, вновь пошел на предательство. На этот раз писатель отрекся от Бориса Пастернака, осудив его на собрании московских литераторов за “Доктора Живаго”».

«Понимал ли Катаев, что делал? — задается Шаргунов непростым с точки зрения совести вопросом. — Безусловно. Но собственная шкура ему была дороже. Он не хотел, чтобы на него вновь обрушился гнев Жданова, а то и самого Сталина».

Однако молча смотреть на тотальный разгром писательского сообщества в СССР Катаеву было иной раз уже невмоготу, и он все-таки вдруг взрывался и пытался защитить своих товарищей от репрессивного разгула. Так, в 1940 году он вместе с Зощенко отправил письмо в НКВД с просьбой пересмотреть дело писателя-переводчика Валентина Стенича, а в 1939 году в числе тринадцати писателей ходатайствовал перед НКВД о пересмотре дела поэта Николая Заболоцкого. А в середине пятидесятых годов он создал абсолютно новый по стилю и духу журнал «Юность», выпустив на его страницы ораву тогда еще почти никому не известных и непризнанных молодых литераторов, но благодаря поддержке Катаева сделавшихся вскоре кумирами молодежи.

Но про все про то, что сделал за долгие годы Валентин Петрович Катаев (то есть его участие в белогвардейских частях, разгромные выступления против друзей на литературных собраниях, подписанные им коллективные доносы на писателей и вместе с тем — предпринимаемые им попытки спасти без вины арестованных поэтов, а также поддерживаемые им уже после смерти Сталина молодые авторы в журнале «Юность»), нельзя говорить, что это вот было — хорошо, а это — отвратительно, потому что все это была реальная жизнь тогдашнего Советского Союза. И Сергей Шаргунов с беспощадной прямотой описал в своей книге «В погоне за вечной весной» все то, что пережил и совершил в своей непростой, долгой и тяжелой судьбе Катаев. И так же, как в 1978 году вышедшая в шестом номере журнала «Новый мир» повесть Валентина Петровича «Алмазный мой венец» вызвала огромный читательский интерес, сразу обросший шумом возмущения (и до сих пор окруженный восхищением), так и книга Сергея Шаргунова о Катаеве вызвала на себя целый поток рецензий, в основном, надо признать, положительных, хотя некоторые были также и отрицательные. Так, например, в обзоре «Брежнев против Ленина», помещенном на сайте «Горький», Елена Макеенко писала, недооценивая обаяние фигуры не только Валентина Катаева, но и пишущего о нем Сергея Шаргунова: «“Катаев” — типичная жэзееловская биография: подробная, добротная, основательная, представляющая своего героя как глыбу, даже если у кого-то есть сомнения в том, что он настолько велик. Несмотря на явно кропотливый труд автора и его жаркое желание вернуть подзабытому писателю лучи славы, выход этой биографии поначалу остался **почти не замеченным** широкой публикой. Разве что Захар Прилепин точно подметил, что Шаргунов взялся за памятник Катаеву по причине явного сходства».

Но сказать об огромном и добросовестном труде Шаргунова о Катаеве, что этот труд «остался почти не замеченным» — это, конечно, несправедливо. Ведь о нем написали Виктория Шохина в рецензии «В погоне за героем», Дмитрий Самойлов в статье «От Ильича до Ильича», Андрей Рудалев в рецензиях «Наслаждение Катаевым» и «Настоящий чародей и его время», Захар Прилепин в статье «Уже написан “Катаев”», Владимир Березин в рецензии «Знамение эпохи», Анастасия Ханина в обзоре «Книжный день. Вот это жизнь!», Евгений Конюшенко в рецензии «Когда писатель гораздо лучше своей репутации», Всеволод Непогодин в рецензии «Непотопляемый титан» и другие критики и прозаики, увидевшие отнюдь не случайную близость Сергея Шаргунова с Валентином Катаевым.

Наши судьбы довольно часто сами решают, кому придется продолжать дело, начатое кем-то из наших предшественников; вот и созданный Валентином Катаевым журнал «Юность» через шесть с лишним десятилетий был вручен молодому и энергичному Сергею Шаргунову. Мне вообще нравятся некие переклички между литературными и жизненными эпизодами.

У Катаева было много недоброжелателей, которые не любили его и при жизни, и после смерти. Но написанные им книги остаются жить и сегодня, заслоняя собой все, что было в его судьбе плохого, тяжелого и даже злобного. Но как говорил знаменитый критик Александр Нилин: «Цинизм Катаева — цинизм ребенка, у которого для строгих родителей есть запасной, помимо того, что предъявляют в школе, дневник... Но, к огорчению всех благородных и порядочных людей, рискну сказать, что дару Катаева ничего не вредило». О чем свидетельствует и удивительная книга Сергея Шаргунова о судьбе и творчестве этого незаурядного писателя.